

Гусейн Байрам оглы САДРАДДИН,
orcid.org/0000-0002-9147-3561
кандидат филологических наук,
доцент кафедры азербайджанского языка и педагогики
Бакинского инженерного университета
(Баку, Азербайджан) *shuseyn@beu.edu.az*

ЭТАП НАБАТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СУФИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассказывается о Сеиде Абулькасиме Набати, одном из последних суфийских поэтов XIX века в азербайджанской литературе. Хотя здесь кратко рассказывается о его времени и жизни, акцент делается на суфийских встречах и противоречивых аспектах его работы. Также обсуждаются различные и сходные представления о поэте и делаются логические и научные выводы. Эти функции описаны в пяти статьях. Состояние мистицизма в XIX веке, его место в литературе и его место в системе морально-этических ценностей отражены в его творчестве. Каноны являются одной из самых важных тем в литературе.

Основное внимание в статье уделяется важным особенностям творчества поэта: суфийским воззрениям, противоречиям в его творчестве, новшествам, которые они приносят в литературу. В тексте рассматриваются исследования поэта, так называемые противоречивые и сходные мнения, и приводятся точные логические и научные результаты.

Набати написал превосходные произведения в жанрах, связанных как со шкалой эруз классической литературы, так и со шкалой слога фольклорной литературы. С этой точки зрения, кроме религиозно-суфийских встреч, он создал и прекрасные литературные образцы.

Сефевиды, Хуруфи, Халвати, Накшибанди и другие, некогда существовавшие в Азербайджане в период Набати. Только две из этих сект выжили – накшибандилик на примере Мир Хамзы Нигари на севере и набатуллахизм на примере Нематуллы Вали на юге. Однако у Набати также отражено множество различных взглядов. Иногда он называет себя брахманом, зороастрийцем или даже христианином. Исследователи сравнивают его с Шамсом Таризи, Мевланой и Хафизом.

Особенности, увиденные через анализ стихов о растениях, обобщены в пяти статьях. Отражено состояние суфизма в XIX веке, его художественное отражение в литературе, его место в системе нравственных ценностей, выражение в творчестве Набати. Много говорят о новизне растения в жанре поэзии. Исследуются его идейно-художественные особенности. Считается, что влияние бахри-тавиля как жанра на нашу следующую поэму, особенно в творчестве Мирзы Алекпер Сабира, имеет новое содержание.

Ключевые слова: суфизм, суфийский, бахри-тавиль, светская любовь, тасаввуф, дэрвиш.

Гусейн Байрам оглы САДРАДДИН,
orcid.org/0000-0002-9147-3561
кандидат филологических наук,
доцент кафедры азербайджанской мови та педагогіки
Бакинського інженерного університету
(Баку, Азербайджан) *shuseyn@beu.edu.az*

ЕТАП НАБАТИ В АЗЕРБАЙДЖАНСЬКІЙ СУФІЙСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

У статті розповідається про Сеїда Абулькасіма Набаті, одного з останніх суфійських поетів XIX століття в азербайджанській літературі. Хоча тут коротко розповідається про його час і життя, акцент робиться на суфійських зустрічах та суперечливих аспектах його роботи. Різні та подібні уявлення про поета також обговорюються в тексті, зроблено логічні та наукові висновки. Ці функції описані в п'яти статтях. Стан мистицизму в XIX столітті, його місце в літературі та в системі морально-етичних цінностей відбивається в його творчості. Канони є однією з найважливіших тем у літературі.

Основна увага у статті приділяється важливим особливостям творчості поета: суфійським поглядам, протиріччям у творчості, нововведенням, які вони приносять у літературу. У тексті розглядаються дослідження поета, звані суперечливі й подібні думки і наводяться точні логічні та наукові результати.

Набаті написав чудові твори в жанрах, пов'язаних як зі шкалою еруз класичної літератури, так і зі шкалою складу фольклорної літератури. З цієї точки зору, крім релігійно-суфійських зустрічей, він створив і чудові літературні зразки.

Сефевіди, Хуруфі, Халваті, Накшибанді та інші, що колись існували в Азербайджані в період Набаті. Тільки дві із цих сект вижили – накшибандилік із прикладу Мир Хамзи Нігарі північ від і набатуллахизм з прикладу

Нематуллы Вали Півдні. Однак у Небаті також відображено безліч різних поглядів. Іноді він називає себе брахманом, зороастрійцем чи навіть християнином. Дослідники порівнюють його із Шамсом Тарізі, Мевланою та Хафізом.

Особливості, побачені в аналізі віршів про рослини, узагальнені в п'яти статтях. Відбито стан суфізму в XIX столітті, його художній відбиток у літературі, в його системі моральних цінностей, вираження у творчості Набати. Багато говорять про новизну рослини в жанрі поезії. Досліджуються його ідейно-мистецькі особливості. Вважається, що вплив бахрі-тавіля як жанру на нашу наступну поему, особливо у творчості Мірзи Алекпер Сабіра, має новий зміст.

Ключові слова: суфізм, суфійський, бахрі-тавіль, світське кохання, тасаввуф, дервіш.

Huseyn Bayram SADRADDIN,

orcid.org/0000-0002-9147-3561

Ph.D.,

Associate Professor at the Department of Azerbaijani Language and Pedagogy

Baku Engineering University

(Baku, Azerbaijan) shuseyn@beu.edu.az

THE STAGE OF NABATI IN AZERBAIJANI SUFI LITERATURE

The article tells about Seyid Abulkasim Nabati, one of the last Sufi poets of the 19th century in Azerbaijani literature. Although this is a brief account of his time and life, the focus is on Sufi encounters and the controversial aspects of his work. Various and similar ideas about the poet are also discussed in the text, and logical and scientific conclusions are drawn. These features are described in five articles. The state of mysticism in the 19th century, its place in literature and its place in the system of moral and ethical values is reflected in his work. Canons are one of the most important topics in literature.

The main attention in the article is paid to the important features of the poet's work: Sufi views, contradictions in his work, innovations that they bring to literature. The text examines the poet's research, the so-called contradictory and similar opinions, and provides accurate logical and scientific results.

Nabati wrote excellent works in genres related to both the eruz scale of classical literature and the syllable scale of folklore literature. From this point of view, in addition to religious-Sufi meetings, he also created excellent literary examples.

Safavids, Hurufi, Khalvati, Nakshibandi and others who once existed in Azerbaijan during the Nabati period. Only two of these sects survived. Naqshbandilik on the example of Mir Khamza Nigari in the north and Nabatullahism on the example of Nematullah Vali in the south. However, Nabati also reflects many different views. Sometimes he calls himself a Brahmin, a Zoroastrian or even a Christian. Researchers compare him with Shams Tarizi, Mevlana and Hafiz.

Features seen in the analysis of poems about plants are summarized in five articles. The state of Sufism in the 19th century, its artistic reflection in literature, its place in the system of moral values, and expression in the work of Nabati are reflected. Much is said about the novelty of the plant in the genre of poetry. Its ideological and artistic features are investigated. It is believed that the influence of Bahri-tavel as a genre on our next poem, especially in the work of Mirza Alekper Sabir, has a new content.

Key words: Sufism, Sufi, bahri-tawil, secular love, tasavvuf, dervish.

Мистицизм как художественное отражение мистической жизни и мышления был в авангарде литературы. Религиозные встречи, религиозные истории, изображение памятников стали частью классической литературы Азербайджана. Поскольку религиозные темы являются неотъемлемой частью нашей классической литературы, невозможно представить религию отдельно от мистики. В XI – XIX веках в географии Азербайджана суфизм был отражен в литературе как часть жизни, и было создано большое количество суфийской литературы. Суфийская литература ислама из его чрева выбрала суфийский образ мышления из космоса и сделала его человеком, сыграла ключевую роль в понимании и преобразовании ислама в образ жизни. Если мы возьмем этот процесс от общетюркского до геогра-

фии Азербайджана, то его корни уйдут на тысячу лет назад. Даже существование так называемых «черноголовых карликов» в эпосе «Дада Горгуд» подтверждается. Суфийский мир Азербайджана начал действовать с начала шестого века нашей эры. Исламско-турецкое мировоззрение суфизма, начиная с корней Ахмеда Йесеви, использовалось накшибандцами, бекташи, суфиям альвитами и др. и превратилось в большое движение. Они культивируют очень влиятельных «идеологов-пропагандистов», то есть поэтов. Хотя мы не суфийский поэт, мы можем найти следы этого очень хорошо: Низами, Насими, Физули, Шах Касим Анвар, Дада Омар Ровшини, Ибрагим Гульшани, Мир Хамза Сеид Нигари, Сеид Абулмгасим Набати. Самым влиятельным представителем сектантского движения в Азербайджане, особенно

в 19 веке, был Сираджаддин Ширвани, который также был наставником шейха Шамиля, но большинство поэтов, хоть и в той или иной степени, были последователями мистики, Нигяри и Набати.

Нигари занял такую линию, потому что он привязан к единственным очагам на полуострове секуляризма, и он остается верным до конца. Перспектива, креативность и судьба Набати приняли очень сложное, противоречивое, осязаемое, хаотическое направление. Эта сложность была, по сути, самой сущностью государства, которым управляла тогдашняя семья Каджаров. Хотя есть и шииты, религиозная география и образ жизни стали инструментом в политике, который был переделан даже до крайности. Поэтому любовь доброжелательного движения Мэхти, Бабии, Бахаи и отвлекла людей от истинного ислама. Наряду с внутренними факторами нельзя упустить из виду западный империализм этого периода и разрушительную политику этого империализма, направленную на создание хаотической обстановки на востоке, включая Иран. В Иране сущность сект, одиночества и завахи была в другом направлении, чем сущность Южного Кавказа и Анатолии (наст. Турция). Просто у нас была возможность жить в такое смешанное время.

Предполагается, что Набати жил примерно с 1800 по 1873 год. Он родился в селе Уштибин Гараджадагского района Южного Азербайджана. Набати получил начальное обучение от своего отца, Мир Яхья, и был во многих местах, чтобы присоединиться к нему. Затем он работал в святитище шейха Махмуда Шихабаддина в Эхаре, где он вырос как очаровательный суфийский поэт, завершая свою прелесть рядом с Нематуллой Вели. В отличие от Нигяри, у Набати «счастье». В советское время, когда никто не знал о Нигяри (которому было запрещено писать и говорить об этом), Набати был исследован, его диваны были напечатаны, его стихи были сброшены в учебники и песни. Однако, поскольку он не был «легко исследованным поэтом» (Mumtaz, 1986), в его адрес были добавлены различные эпитеты, которые назывались суфийскими пантеистами, хуруфийцами, алавитами, ханчобани, брахманами, христианами, нерелигиозными и даже мусульманами. Носители литературы и поэзии основаны на системе, которая идет от «поэтической философии к философской поэзии и сектантской поэзии и оттуда к необычной поэзии» (Xavəri, 2016). Есть также три системы в дикой природе, но синтез этих трех кажется уникальным.

Написание извержений и слогов из Хатаи достигло пика у Набати. Тогда множественность,

тонкости редакторов и сладость поэзии игры в слова делают ее и непостижимой, и сладкой. Как говорит Салман Мумтаз: «Понять значение еретических стихов действительно сложно. Он произнес свои слова в определенной степени, но с той же интенсивностью» (Mumtaz, 1986: 408). Одна из причин этого заключается в том, чтобы спрятаться в соответствии с обстоятельствами того времени, а другая важная причина в том, что религиозные и мистические коллекции часто недоступны для нас сегодня. Следовательно, «следует попытаться определить литературную реальность цветочной лирики <...> поэтического «языка» символической и метафорической системы, созданной поэтом» (Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 223). Если мы проанализируем имманентность, мы обнаружим, что ключи к мистическому, поэтическому и философскому кодам стихов Набати до сих пор находятся в их стихах. Проблема также в том, что турецкие и персидские диваны поэта сегодня недоступны. Он сделал из них дивансик, вставил небольшую часть своего письма в «диван», разрушил традиции дивана и создал хаотическую систему. В дополнение к стихам с эрудированными стихами, он также включил стихи с высокими стихами. Этот хаос позволяет проходу пространства проходить по красивым каменным дорогам. Не следует забывать, что существование пространства связано с хаосом, и наоборот, поскольку существование ночи определяет существование дня. Как в этой жизни, так и в мире, и в литературе. Ароматы в творчестве цветов также потребуют от вас взглянуть на это.

Автор говорит: «Я бы взял из золотого хранилища религию Заодостра и воскресил Иран. (Нэбати, 2004: 139) Он всю свою жизнь жил в любви и искал различные ответы на вопросы.

Жизнь подошла концу, ты не знал, Набати

Кто это смотрит святым глазом, что это «если бы»?

Мое сердце горело огнем, но я не знал.

Какой язык, что такое шарм и что это за любовь в моей голове?

Я не знаю, что за верующий и не веру в моей жизни,

Кто такой Ахмаду Махмуд и что такое Иисус Мусави? (Nəbati, 2004)

Когда эти вопросы не рассматриваются:

Или умный, или сумасшедший,

То был уничтожен, то восстановлен.

То вскрыто был захидом (аскет)

И также убирал мейхану (1. точнее каф. 2. Абстрактно – место, где признаются любви к Богу).

То мусульман, то брахман
 То в мечети, то в храме
 Иногда неуравновешенный вообще...

(Nəbati, 2004: 6).

Это художественная ложь в поэтическом мире поэта и по существу. Поэт также говорит:

Если ты умный, то можешь понять, что за странность,

Это все зависит от колдовского взгляда.

Набати в жизни много страдал, но так и не достиг своей мечты.

Иди к мудрости и захвати края пророка
 (Nəbati, s. 20)

Набати поблагодарил побольше Аллаха
 От авторитета Маджнуна обеспечим для вас.

Известный литературовед С. Мумтаза был в курсе о мнении Набати, но назвал поэта «мульхидом» (отрицающий религию). Секрет в том, чтобы сказать это, однако в том, что идея дивана Набати. другими словами, Набати открывает такую игру на своем диване, чтобы защитить себя и свои работы. Точно так же Мумтаз назвал это «более трудным для понимания, чем Насими», и назвал его «мулехидом» в 30-х годах, чтобы защитить Набата и поместить его произведения в книги.

Как и о многих азербайджанских поэтах, оригинальная и обширная информация о Набати исходит от Ф. Кочарли. Это можно рассматривать как более объективный источник, потому что еще не было политического вторжения. Он занимался изучением нашей литературы вне всякого влияния. Это правда, что он жил и учился в учительской семинарии в Грузии в городе Гори. Как и его современники, он также находился под влиянием русского образования и культуры. Однако из его творчества ясно, что Фиридун бек стал сущностью мира суфизма и осознал жизнь тэкке (одинокчество). Неизвестно, что он имел к ним какое-то отношение, и где это было, насколько это разрушило его жизнь. Что ясно, так это то, что для него «раны» были еще теплыми, он знал арабский и персидский языки, и его приверженность классической литературе была идеальной. Ф. Кочарли писал: «Покойный (Nəbiati S.H.) был религиозным и чистым телом, и большую часть своей жизни провел в ритуальной молитве. То, что большинство людей отреклись от мирских дел, прочно укоренилось в людях. Именно в этом уголке единства для него было большим счастьем поверить в этику и атеизм и избавиться от тайн Нихана. (Это место, где секреты становятся явными). <..> Во время его отъезда добавилось еще одно сияние – сияние на лице; он впал в

странное состояние, и на какое-то время пришло чувство любви, любви и любви» (Köçərli, 1978: 471–472).

Он сравнивает кочевого уроженца с классикой. «Сейед Абуласим находится в квартире азербайджанских турок Хаджи Шамсадина Хафиза и Шамса Табризи, а в некоторых случаях и Мевлана Джалаладин Руми. Поскольку Хафиз является героем персов и шиитов, он также является героем азербайджанского лозунга» (Köçərli, 1978: 477). Автор точно описывает творчество Шэмси Тебризи и Набати в одном предложении: «Единственное отличие состоит в том, что слово Набати чисто и в любви, а слова Шамса Табризи – произведение мудрости и философии. Огонь любви в слове флоры, страсть приносят, а слово Шамса Тебризи заставляет читателей их глубоко задуматься» (Köçərli, 1978: 480). До сих пор «благочестивый, «который не любит библейское и благочестивое поклонение, ритуал и внешнее благочестие и кто не понимает бисмиллу», пока он «не проводит свое время в ритуале и поклонении». «Искренность коронера и проповедника была единственной, говорящей на языке и ненависти» (Köçərli, 1978: 482).

После всего этого Кочарли также рассказывает о противоречиях Набати, предлагая пример лодки, которая теряет курс на перекрестке: «Поэт <...> честно определяет, кто есть, куда и куда он идет, какие у него характеристики и содержание. Он не смог этого сделать, и его оставили в изумлении и в так называемом «мире», и он находился в состоянии сильного самоотречения, говоря: «Кто я или кто я».

Говоря о Набати, Ф. Гасымзаде сказал, что то, что он написал в Эресе, является более сектантским, что он воспевает образную любовь, а в своем фольклоре и струнах – настоящую красоту и настоящую любовь. Он писал о противоречиях Набати: «...самые глубокие мысли о тайнах растительной вселенной, о смысле жизни. Его стихотворение лэнг (медленность) стало результатом кризиса. «Я ничего не мог понять в мире, и это невозможно», – сказал поэт, падая в пропасть агностицизма, отрицая объективную реальность» (Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, 1960: 53). К тому же стихотворению Набати можно подходить с других позиций. Ни болезнь, ни мой доктор, все еще медленные и медленные. <...> У меня нет оснований, я не низший, мне больно (ни от него) <...> Какой у меня канон, кто я, кто я, все еще вялый (Nəbati, 2004: 479). «Медленный». В этом примере, кажется, поэт говорит об аристократическом мире. «Кто не может думать, кто что, что

мое?» «что это?» «Нэчидир?» вопросы капают как дожди (Nəbati, 2004: 107). История восхищения (в известной степени агностицизмом) перед лицом того, что он хочет понять, проходит долгий путь. Возникает длинная цепь, которая дополняет друг друга до самого растения. Как сказал Ю. Эмре: «О творцы, чего желает моя душа, и кто забирает мое сердце, когда я говорю языком?» (Əmrə, 2004: 202). Так и Нэсими не может отрицать кабэ, мечеть, хырга, зуннар (одежда для дервиша, в том числе Физули. «Мы думали что ты мудрый, но, оказывается, ты различал мечеть с мейханой»). Статья перед идолом показывает свою удивленность. Из художественного характера бедной Газали: «Что это?» и «Удивлён» видно, что первая «украшена» персидскими словами, так как эти слова растворяются в турецких словах, а вторая газель дает представление о знаменитой газели Физули. Это бедный дервиш, который, в конце концов, отчаянно пытается избавиться от горечи и не может найти ответы на свои вопросы. Эти противоречия и истории о Набате XIX века были преодолены трагедией Юнуса XIII века: «Хотел Аллаха и нашёл – а что? Днём и ночью плакал – а что?». С этой же точки зрения Набати удивлённо говорит: «я сижу в углу в безвыходном положении, что Коран падает на мои руки» (Əmrə, 2004: 17). Если мы хотим углубиться и найти «Лолои-шавар» (драгоценность – Физули) в Набате, мы можем подвести итог:

1. Тайна «Fihi ma-fihi» (которая находится внутри меня), рассказанная Набати Мавланой, до сих пор неизвестна тайне Ю. Амры: «У меня есть, но она от меня». Шемс Тебризи вы не можете быть «единым», будучи дважды спасенным по формуле;

2. Его «заблуждение»: «Зачем мне будущий райский ангел, я хотел бы сегодняшнюю половину. Если вы не дадите мне это, то зачем мне Бог без пощады» (Nəbati, 2004: 131). Избалованный Набати: «Если я не заплачу сегодня, то зачем мне завтрашнее горе», – это несимийская философия, проекция Набати. Художественное выражение в форме отрицания и риторических вопросов. Это подтверждение отказа. Ответ находится в вопросах, которые скрыты в вопросе, который является ответом на вопросы «Я во мне» и «внутри». Согласно письму С. Мумтаза, он скрывает себя и сознательно исполняет его; По словам Камал Абдуллы, в текстах «мы видим наши имманентные характеристики или <...> мы ищем то, что хотим видеть» (Abdulla, 2017: 239). Другими словами, текст открывает нам тайны, или мы ссылаемся на них. С этой точки зрения к проблеме можно подходить двумя способами. Во-первых,

у работы есть пункт, но он производит столько читателей, сколько возможно. Во-вторых, это именно то, что представляет автор или текст обычного аналитического исследования. Фактически необходимо добавить модальность «мы думаем, согласно нам» к идеям, что это самый правильный путь, потому что автор точно знает, о чем говорится. Иногда он даже говорит, что не может сделать сам. Творческий процесс имеет свои законы, сам текст. Потому что «иногда воля автора, по просьбе автора, может показаться, что дух текста противостоит всему тексту» (Abdulla, 2017: 235). Это может быть даже иногда. Автор может не знать, что он пишет. Это не зависит от него. Прочитав ее, написав: «Боже, я написал это! Или что я имею в виду под этим!».

3. Набати показывает себя таким, каков он есть на самом деле. «Похоже, что это так». Совершенно искренний поэт-философ, влюблённый;

4. Перевод духовного состояния человеческой расы Набати. В этом мире есть люди, которые не совершают ошибок, не грешат и не имеют скрытых грехов, которые стыдятся признать себя. И не являются ли они теми же людьми, которым не следует стыдиться своих грехов, каяться в своих грехах, а не «за тысячу дней» за один грех? Сегодня Абу Сайид Абул Хайра, хотя он принадлежит Мавлане, а на самом деле это знаменитый суфий из Центральной Азии, говорит: «Давай, приходи, кто ты есть! Хоть отрицатель, хоть мусульманин. Наш объект – не место отчаяния. Приходите еще, даже если вы нарушили сотню раскаяний». Между этим призывом и подтверждением Набати есть истинная связь. Создается художественный образ тех, кого здесь прямо называют. Набати, который ищет пути преодоления этих разногласий, убежден, что дорога во многие места направит к Богу. Одним из наиболее важных является тот факт, что в суфийской религии, независимо от национальных и религиозных различий, важными являются человечность и благочестие. Такие люди присутствуют как в язычестве, так и в Мусе, а также являются атеистами. Если это все есть внутри, неважно что есть снаружи.

5. Напряженность проявляется не только в индивидуальности, и характере произведений Набати, но и в стихотворении, иногда в одном абзаце, стихе или даже в предложении. Тот факт, что сама жизнь состоит из всех противоречий, отражается в каждом загоне. Хотя форма иная, она очень близка по смыслу и иногда одинакова. Эти дискуссии о травничестве содержатся в ее современной поэзии и у лирического поэта Абулхасана Раджи в стихотворении «Не было любви, не был

бы влюблён...». И в этом отношении, написанном М. А. Сабиром, Х. Натаваном, Х. Джавидом, за, по-видимому, «ни он, ни другие, ни последствия этих вещей» лежит художественная ложь, такая как отрицание чего-либо, что фактически стоит за любым кажущимся бессмысленным восстанием. Другими словами, другой подход в этой литературе – это выражение в виде взгляда на проблему в виде многоугольной призмы. Но нам кажется, что самый маловероятный в нашем рейтинге – четвертый. Травник, вероятно, не ставила перед собой цель суммировать противоречия человечества, рычаги любви и вернуться к человечеству таким образом, чтобы сказать «без тебя». Его внутренние планы были настолько глубокими и противоречивыми, что он едва мог найти время, чтобы побродить и увидеть других. Однако, как мы уже говорили, Набати был человек своего времени, а в это время суфийский мир находился на закате. Мушруны, которые выращивают Мавлану, Шамси, Ясави, больше не были для Набати. Их любовь не могла выжить в Набати. Само растение было выше, более экологически чистым, а муршиды были выше. Он знал о глубине. Но до того как они туда попали, они не могли этого увидеть – это была трагедия. Вот почему, как сказал Кочарли, «появление керамика-чудеса в Набате» было не так велико, как в его современном Нигари. Потому что «чудеса», которые они видели в Набате, были такими же, как те, кто его видел. Те, кто видел его, не были теми, кто видел Ясави, Шамси и Насими. Те, кто видел эпоху, когда все ценности находились в упадке, были теми, кто видел восточноевропейский крестовый поход. Проблема выглядит немного сложнее, если мы возьмем ту же идею в советское время. Когда Сабир сказал, что он больше не может видеть или слышать, он должен был держать глаза и уши открытыми. Даже волна этих заповедей стала настолько сильной, что литературное мировоззрение дня не было полностью окончено. По этой причине Набати был осведомлен о тех, кто входит в это море, о тех, кто хочет войти, или о тех, кто хочет увидеть море (углублённость): «Злись, ты должен путешествовать достаточно долго, чтобы быть совершенным».

Не вините захода, у него есть оправдания,
Но ещё не знает любви

Старайся, будь мудрым в моих глазах,
Не оставайся без научной любви

Углубись на дно моря и достань оттуда драгоценность

Тот, кто говорит, что влюблён, должен забыть себя.

Он призвал меня быть осторожным, говоря: «Молчи и мало говори, и не смущайся тайной любви» (Köçərli, 1978: 481–482).

Здесь есть очень важный момент. Это произошло и будет в 27-м стихе суры аль-Ахадид (Quran, 2002, 1: 540), где говорится о людях, которые отказываются от мира и направляются к Господу, чтобы быть к Нему ближе. Многие не смогли справиться с этими условиями, потому что они лишили себя своих законных прав и не смогли сохранить достоинство. К сожалению, их действия принадлежат всему, что они представляют. Миссия была полностью проигнорирована и превратилась в публичный скандал, который часто приводил к казни ее лидеров. Поэтому мы находим, что классическая литература часто подвергается критике из-за своих фанатиков и дервишей. Набати также описывает этих красочных персонажей в своих стихах, и часто литературным героем является сам поэт.

Джавад Хейят называет Набати суфийским поэтом и говорит, что он свободно разбирается в арабской и персидской литературе, потому что хорошо говорит на трех языках. Вместе с Хафизом он наслаждался ан-Навави, Насими, Физули, Саибом и Вагифом в своих стихах, написанных в стиле народной поэзии. У него глубокие познания в музыке, он знает много жанров, а также пишет стихи, которые соответствуют «Основной классификации». Джавад Хейят также заявляет, что Набати «был недоволен спорами между сектами, потому что он не мог найти истины, которые он искал» (Heuət 1993: 116), и цитирует газель «Кюсмюшам» («Обиделся»). Он говорит, что то, что он писал в стиле народной поэзии, повлияло на ашугскую литературу и перешло к эпосам и даже использовало знаменитую народную песню «Aparđı sellər Saranı» (Унџс уруган Сараны). Национальная песня, связанная с отделением важных частей Северного Азербайджана и Мугана от Ирана и восхваляющая это незабываемое событие, показывает близкие отношения Набати и ее народа:

«Иди и скажи Ханджобану,

Может не прийти в этом году Муган,

Муган зря излил кровь».

Говоря о Набате, допустим, что первое *bəhri-təvilin* (один из жанров азербайджанской литературы) происхождение также является основателем нашей литературы, а содержание этой *bəhri-təvil* на набатическом языке. Версия А. Раджи: «Помогите, Господи, мы в безвыходном положении» (Raci, 1992: 253) напоминает призыв. В начале Бахри-тавил поэт говорит о силе «Бога, который не имеет жилища, но командует и регулирует всю

Вселенную». Он говорит о воле человека, от частиц совершенного человека до планет, с его волей и наукой, созданием ангелов, миром осознания и попыткой разгадать в них тайны: «...мы знаем, что это такой мир, что я могу сказать, как мне сделать такую загадку, или я был бы признателен, усилие простить грехи повсюду, чтобы увидеть, как сила дарована черной земле». Какие реки, деревья и источники, какие горы, фруктовые сады, какие вкусные и сладкие фрукты! И он надеется дать им понять, что поэт горел желанием увидеть Дилдари. Затем он смотрит на создание человечества. Ахмади-Махмуд Абулкасим, потомок деда Хилката Адама, сказал, что он был таким прекрасным человеком ради Пророка Мухаммеда (мир ему).

Перейдем к изображению Али. Он говорит о Салмане, Абузаре, преклоняющемся перед ним, Хатаи, Хинде, Китае, правителе Бухары и Цезаре. Он не может найти слова для этого. Он не может придерживаться всех символов красоты и работоспособных образов классической литературы. Хотя до сих пор не ясно, кто этот пернатый посев, поэма заключает: «...Он ни Мажнун, ни Лейла, ни создатель, ни Вамик, ни Небати, ни Хафиз не предприняли никаких действий. Влюблен в меня. И здесь Набати признается в своем секрете, что никто не является «любителем любви», который ставит ее в такие ситуации. Тайна многих секретов Набати в его садовой поэме: «Всё зародилось от любви, я молюсь, как иудеи, и говорю зикри «ху-ху» (то есть, он Бог)». У суфийского народа есть верный путь, чтобы пройти три стадии: фена фиш-шейх, фена фир-Расул и фена филлах, то есть исчезать в шейха-Расула и Аллаха. Исходя из окончательного представления о Бахри-Тавиль, это Хазрат Али, шейх первого Набати.

В результате можно сказать, что мистицизм, который является неотъемлемой частью нашей литературы на протяжении почти десятилетия, можно сказать за его художественную критику. Как и у многих суфийцев, творчество Набати полно загадок. Также существует факт, что писать сегодня на религиозные темы страшно, потому что человек может быть приклеен к имени человека мгновенно. Принимая во внимание, что в стране, где свобода слова и сове-

сти утверждается консульством, и если одним из наших государственных символов является зеленый ислам на нашем флаге, вы можете бояться говорить о религии, даже если свобода не является проблемой. Во-вторых, только религия может говорить о религии, как и в случае с Ханладж Мансуром, Насими. Однако так же, как каждый имеет право знать все сегодня, каждый имеет право знать и изучать свою религию. Это также требует письма и разговора. По какой-то причине в этой области классических произведений все еще есть пробел. Цветочное творчество еще не до конца оценено в наших литературных исследованиях. Учитывая это, как сказал Мумтаз, изучать Набати труднее, чем Насими.

По нашему мнению, нельзя даже игнорировать это. «Во всех случаях Дада Горгуд не является отдельной личностью. Он Деде Горгудах и принцип Деде Горгуд. Это мировоззрение, которое создает этот принцип, политику, образ жизни, и набор моральных норм» (Abdulla, 2017: 19). Эта идея применима как к Набати, так и к другим. То есть религиозный образ жизни, еретики и взгляды чем личная миссия, образ жизни, религиозная идеологическая миссия.

Из исследования стало ясно, что, несмотря на кажущиеся противоречия, Набати оставался верным своим действиям, привычкам и рукописям. Что бы ни диктовало его сердце, он написал это. Подается литература без рецепта. Со своими секретами, иронией и художественными призмами. Там может быть лучший способ проверить его личность в его работах. Если у нас есть другие произведения, кроме диванов, и отличный перевод персидских стихов, то исследование будет намного проще.

Творчество Набати – это великая литература в виде эруза и хеджи (классический и народный виды стихов). Идеальное изучение этой литературы также означает изучение социально-философского, поэтического мира азербайджанского народа, его образа жизни, социальных проблем, человеческой, ежегодной и личной боли. Поэт создал такие тонкости и инновации в области искусства, что для нас было бы большой потерей не обнаружить их.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Quran.(türkcə məəli ilə) İstanbul,Çağlayan A.Ş. 2002.
2. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. 6 cildə. 4 c. Bakı. Elm. 2011. səh 217–227.
3. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. (üç cildə) II c. Bakı, 1960.
4. Cavad. Heyət. Azərbaycan ədəbiyyatına bir baxış. Bakı, Yazıçı, 1993.
5. Əsgərli Z.Ş. Ön söz. Nəbati. Seçilmiş əsərləri. B. Şərq-Qərb, 2004, s. 4–12.
6. Qasımzadə F. Seyid Əbülqasım Nəbati. Az.SSR EA xəbərləri, N 11, 1945, s. 59–74.
7. Kamal Abdulla. Dədə Qorqud poetikasına giriş. Bakı, 2017.

8. Köçərli Firidun. Azərbaycan ədəbiyyatı. 2 cildə. I c. Bakı, Elm, 1978.
9. Nəbati. S.Ə. Seçilmiş əsərləri. Tərtib edən: Əbülfəzl Hüseynli. Bakı, Şərq-Qərb, 2004.
10. Raci. Seçilmiş əsərləri (tərtibçi H. Abıyev Hafiz) Bakı, Sabah, 1992.
11. Salman Mümtaz. Azərbaycan ədəbiyyatının qaynaqları. Yazıçı. Bakı, 1986.
12. Sərxan Xavəri. Milli mədəniyyət müstəvisində poetik təsəvvüf kodu. Bakı. Elm, 2016.
13. Y. Əmrə. Əsərləri. Bakı. "Öndər nəşriyyat", 2004. 334 səh. (Fateh nüsxəsi əsasında)

REFERENCES

1. Quran. (türkcə məəli ilə) (2002) [Quran. (In Turkish)] Istanbul, Caglayan A.S. [in Turkish]
2. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi (2011) [History of Azerbaijani literature] In 6 volumes. 4 vol. Bakı. Science. pp. 217–227 [in Azerbaijani]
3. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi (1960) [History of Azerbaijani literature] II vol. Bakı [in Azerbaijani]
4. Cavad. Heyət (1983) Azərbaycan ədəbiyyatına bir baxış [A look at Azerbaijani literature] Bakı, Yazıçı [in Azerbaijani]
5. Əsgərli Z.Ş. (2004) Ön söz // Nəbati. Seçilmiş əsərləri [Foreword. Nabati. Selected works] B. East-West. p. 4–12B. [in Azerbaijani]
6. Qasımzadə F. (1945) Seyid Əbülqasım Nəbati [Seyid Əbülqasım Nəbati] N 11, p. 59–74 [in Azerbaijani]
7. Kamal Abdulla. (2017) Dədə Qorqud poetikasına giriş [Introduction to the poetics of Dada Gorgud] Bakı [in Azerbaijani]
8. Köçərli Firidun. (1978) Azərbaycan ədəbiyyatı [Azerbaijani literature] In 2 volumes. I v. Bakı, Science. [in Azerbaijani]
9. Nəbati. S.Ə. (2004) Seçilmiş əsərləri. [Selected works] Compiled by: Abulfəzl Hüseynli. Bakı, East-West [in Azerbaijani]
10. Raci. (1992) Seçilmiş əsərləri [Selected works] Bakı, Sabah [in Azerbaijani]
11. Salman Mümtaz. (1986) Azərbaycan ədəbiyyatının qaynaqları [Sources of Azerbaijani literature] Bakı, Writer. [in Azerbaijani]
12. Sərxan Xavəri. (2016) Milli mədəniyyət müstəvisində poetik təsəvvüf kodu [The code of poetic Sufism in the field of national culture] Bakı. Science [in Azerbaijani]
13. Y.Əmrə. (2004) Əsərləri [Works]. Bakı. "Leading publishing house" 2004. 334 pages. Bakı. [in Azerbaijani]